

Надежда Семёновна Романчук

Судьба моя - служение семье

Для многих белорусов, и не только, название города Березино и реки, на которой он стоит, связаны с военными событиями 1812, 1941 и 1943 годов. В этом городе я и родилась в 1934 году. Родители мои – белорусы. Отец, Семён Михеевич Антипов, работал бухгалтером, а мама, Мария Ивановна, в девичестве Булойчик, - санитаркой в аптеке. Но до войны она больше занималась воспитанием детей, а нас в семье родилось четверо.

О том, что началась война, узнали от отца: он пришёл с работы и сказал, что немцы перешли границу и через два дня будут в нашем городе. «Соберите самое необходимое, постараюсь отвезти вас в деревню». В тот же день мы все отправились на лошади в Старый Кольтин, где жили его родители. Едва успели переехать реку Березину по мосту, как наши военные, чтобы задержать наступление врага, его взорвали. Позже от тех, кто остался в городе, мы слышали, что бой за город был очень тяжелый: по реке сплошь плыли трупы – и наших, и немецких солдат.

В деревне мы жили недолго, около месяца. Как только узнали, что жителям Белоруссии немцами разрешено вернуться в свои города и сёла, мы сразу отправились в Березино. К тому времени уже навели переправу через реку, и нас в город отвёз на телеге кто-то из родственников отца.

Вернувшись, мы увидели, что центр разрушен бомбёжками и обстрелами фашистов. А ещё узнали такую подробность. Было несколько дней, когда наши войска уже ушли, а немцы в Березино ещё не вступили. И в это время соседи ходили на склады, забирали оттуда продукты – муку, крупу, соль, сахар. А ещё – одежду. Чтобы враги не отняли, многие всё закопали. Потом соседи иногда делились этими запасами с нашей семьёй.

Нашу улицу немцы разделили на две части. В домах, что ближе к центру, разместили своих солдат. Тем, кого выгнали на улицу, а наша семья оказалась в их числе, пришлось поселиться у соседей на другой части улицы. Иногда в одном доме теснились по три семьи. Поначалу все жители города старались на глаза немцам не попадаться, потому что из-за больших потерь на фронте они озлобились. Потом участвовавшие в боях воинские части из города ушли, их заменили тыловые подразделения.

Чтобы не умереть с голоду, многие жители города обрабатывали свои огородики. Выращенное на них немцы не отбирали. Скажу так: солдаты обычных частей жестокими, как правило, не были. А вот эсесовцы – те вели себя бесчеловечно. Если кому-то из них что-то не понравится – бах! – и нет человека. Поэтому их старались обходить стороной. Особенно они зверствовали, когда обнаруживали чью-то связь с партизанами.

Наш дом превратили в пекарню. У мамы болела душа: сохранится ли он, она ходила туда прибираться. Пекари потихоньку от своего начальства

отдавали ей подгоревшие буханки, делились запасами сушёных овощей – моркови, лука, свёклы. Помню немца-врача, который два раза спас меня от смерти. Я заболела воспалением лёгких, температура 40 градусов, говорить не могла. Он дал маме нужные лекарства, и я выздоровела. Помог, когда я заразилась малярией, ге пожалел для меня хинин, так и вылечил.

...Папа в первые же дни войны уехал из города вместе с несколькими мужчинами на машине. Как потом мы узнали, их группа соединилась с красноармейцами, которые оказались в тылу у немцев. Первые весточки о папе дошли до нас в конце 42 года. Были в городе люди, связанные с партизанами. В леса пробирались подростки. Они шли с мешками, как будто собирают подаяние. Мальчишки и рассказывали о тех, кто партизанил.

Несколько таких посыльных немцы выследили. Одних за связь с партизанами расстреляли, а кто оказался руководителем, казнили. Фашисты согнали жителей Березины на центральную площадь, окружили место казни и заставили всех смотреть на то, как умирали люди. Как же это жутко!

Люди в оккупации выживали, кто как мог. Достать или купить одежду, обувь мы не могли. Магазины не работали, да и денег не было. Родственники отца сплели для нас, детей, лапти. Носили их с портянками. Но от зимних морозов это спасало не всегда. Случались сильные обморожения...

Страшное воспоминание из того времени - рёв немецких самолётов, летавших над городом на бомбёжку. Взрослые выкопали в стороне от улицы, за огородами, землянку - огромную яму, и закрыли её сверху брёвнами и досками. Как услышим звук моторов, и, сколько есть сил - бегом, быстрее в укрытие, чтобы успеть спрятаться. Набьёмся в землянку, ждём. Наружу выходили, лишь когда бомбардировщики улетали.

Школы во время оккупации не работали. Одну разбомбили, во второй жили эсэсовцы.

...Мы, дети войны, повзрослели рано. Нам не требовалось объяснять, что можно делать или говорить при немцах, а чего нельзя.

В начале 1942 года моего 14-летнего брата Василия, как и многих молодых людей Березино, угнали на работу в Германию. К дому подъезжала машина, выскакивали немцы, хватали, кого хотели, и заталкивали в машину. Как забирали братика, видели и мама, и я. Плакали, конечно, но понимали: сделать что-нибудь, помочь ему невозможно. Бабахнут – и ляжешь тут же замертво. А такое случалось. Если кто-то из родни бросался в ноги оккупантам и умолял отпустить, те без разговоров стреляли – и всё... Брат в Германии работал на металлургическом заводе.

Сестре к тому времени исполнилось 13 лет, и мы прятали её в сарае, где хранилось сено. Там сделали незаметный закуток, в котором она и сидела, не выходя на улицу, больше года: мы боялись, что её тоже угонят. Вышла на белый свет только летом 43-го, когда наши войска освободили город.

...В Березино жил мужчина-инвалид. Немцы заставили его работать полицейским. Но он оказался хорошим и смелым человеком: сообщал жителям, на какой день выпадало его дежурство, и в эти дни горожане могли

подойти к еврейскому гетто – часть города, огороженную колючей проволокой, куда согнали евреев, принести заключённым какую-то еду - кто что мог.

...Никто из гетто не выжил. В 42-м году всех заключённых - шесть тысяч человек - расстреляли. Их заставили выкопать на лугу за нашей улицей огромные рвы, потом гнали шеренгами к краю и расстреливали. Два человека пытались спастись. Один спрятался под бочкой, другой залез в трубу. Но их нашли и тоже расстреляли. Сколько уже лет прошло, но фильмы о войне смотреть не могу: вспоминаю те страшные дни.

...Освободили нас в августе 43-го. К тому времени один из жителей города в лесу на высоком дереве устроил наблюдательный пункт – в километрах двух от нашей улицы. Он первым увидел приближение Красной Армии, сообщил об этом, и мы все, кто мог, вовремя ушли в лес, чтобы не попасть под перекрестный огонь. Помню, сидели в болоте, в зарослях крапивы. А наблюдатель с площадки на дереве видел, что происходило на подступах к городу, и рассказывал тем, кто находился внизу. Немцы отошли быстро. Когда наши приблизились к Березину, мы вышли из леса. Господи, как же все радовались - худющие, измождённые, в рваной одежде...

На другой стороне реки полегло много немцев. И пока трупы не убрали, мальчишки, кто повзрослее, пробирались туда, находили шоколадки, открытки красивые, и делились с нами.

Мы с мамой вернулись в свой дом.